

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Н О В О Е
О В Е Л И К О М
А К Т Е Р Е
М. С. ЩЕПКИНЕ

В прошлое воскресенье общественность нашей страны отметила 175-летие со дня рождения великого русского актера-демократа Михаила Семеновича Щепкина. С именем Щепкина связано начало реализма в русском сценическом искусстве. Передовой человек своего времени, он был дружен с Пушкиным и Гоголем, Белинским и Герценом, с Шевченко и Тургеневым. Лучшими его сценическими образами были Фамусов в грибоедовском «Горе от ума», городничий в «Ревизоре» Гоголя, Шейлок в «Венецианском купце» Шекспира, Гарпагон в «Скупом» Мольера. Им создана на сцене большая галерея людей из народа, таких, как Чупрун в «Москале-Чаривнике» Котляревского, Шельменко-денщик в одноименной пьесе Квитки-Основьяненко, и многие другие.

М. С. Щепкин бывал в Крыму и хорошо его знал. Последние месяцы его жизни были связаны с Крымом, где он и скончался 11 (23) августа 1863 года.

В Рукописном отделе Ленинской библиотеки в Москве хранится небольшая, всего на восьми страничках, рукопись — воспоминания о смерти великого актера, написанные его слугой А. Г. Алмазовым. День за днем он прослеживает путь Щепкина, первые признаки неблагополучия с его здоровьем. Правда, Алмазов пишет, что он «болезни никакой не ощущал», но тут же добавляет: «потерял аппетит с самого Ростова», что все время его мучала тошнота.

На пристани в Керчи Щепкина тепло встретили актеры местной труппы. Они уговорили его принять участие в трех спектаклях. Из воспоминаний нельзя установить, в каких пьесах играл Щепкин в Керчи. Но после двух спектаклей здоровье его ухудшилось. Приехал он в театр и на третий вечер, но «за болезнью Михаила Семеновича было сказано публице, что не может Щепкин играть».

В Керчи Щепкин получил письмо из Феодосии от И. К. Айвазовского с приглашением приехать на выставку картин, но болезнь прогрессировала, и пришлось отказаться от этой поездки. Путь от Керчи до Ялты, куда он прибыл 21 июля (ст. ст.), Щепкин перенес с трудом: море было неспокойным, «он лежал и был довольно скучный».

В Ялте самочувствие его улучшилось. Здесь были друзья. Первое, что

он сделал, — попросил Алмазова поехать к управляющему Ливадии Лазаревскому, который, узнав о приезде Щепкина, очень обрадовался и послал за ним лошадей. Вечер у Лазаревского и в семье архитектора Манигетти прошел оживленно, Щепкин уделил много внимания детям, которых, как пишет Алмазов, он «полубил ужасно».

Утром вместе с Лазаревским они выехали в Ялту, так как в Ливадии шли строительные работы и удобной для Щепкина комнаты не оказалось. В этот же день состоялась встреча актера с почитателем его таланта — местным доктором-поэтом С. В. Руданским. Ему Щепкин рассказал «всю болезнь, и всю диету». Но больным признать его в это время было нельзя: Щепкин был весел, а через час поехал в Алупку к Воронцову.

Выступая перед сановными хозяевами на балконе дворца, он окончательно подорвал свое здоровье на сквозняке. 25 июля Щепкин неожиданно решил уехать в Ялту, хотя еще накануне ответил согласием на приглашение Воронцова погостить у него. Уже по дороге из Алупки Алмазов обратил внимание на провалы в памяти у Щепкина, который вдруг стал спрашивать у него «куда едем?». Вечером в Ливадии, куда заехал Щепкин по дороге, было весело, собралось много гостей, которые пели и плясали, но это не развлекло больного актера. Он рано поднялся из-за стола и ушел отдыхать, а утром проснулся мрачный и задумчивый только в 11 часов, «чего с ним никогда не бывало», — замечает Алмазов.

В середине дня, по дороге в Ялту, он снова обращается с теми же вопросами к своему слуге: «Что это за город? А давно ли мы сюда приехали? Зачем — лечиться на виноградные курсы?..»

Вечером у больного был доктор Руданский, прописал рецепт на лекарства. После его ухода Щепкин сразу же лег спать и поднялся на завтра только в 12 часов, «имели большую охоту вести разговор, ну только слова те же: куда мы приехали? зачем и к кому? — вспоминает Алмазов и заключает, — после этого они сидели несколько ночей и курили сигареты не спавши».

В последние дни жизни Щепкин все время был в окружении друзей и знакомых, но многих он не узнавал, стал плохо слышать, а за два

дня до смерти уже ничего не говорил и лежал, не открывая глаз. 11 августа утром Алмазов посадил его в кресло, где он в половине двенадцатого и скончался «в самом тихом виде».

До недавнего времени воспоминания А. Г. Алмазова были единственным свидетельством о последних днях великого актера. Пишущему эти строки удалось разыскать официальное медицинское подтверждение этих воспоминаний. Лечивший Щепкина ялтинский городской врач С. В. Руданский в отчете начальству о своей деятельности за 1863 г., докладывая о наиболее примечательных случаях из врачебной практики, считал обязанным сообщить о болезни и смерти М. С. Щепкина. В одном из примечаний к ведомости о больных мужчинах он писал: «Апоплексия артиста московского театра Мих. Сем. Щепкина, которая вначале высказалась потерей памяти мест, так что он сначала не узнавал, где он, потом потерю памяти лиц, а под конец потерю и самосознания; он умер в забытии».

Не прошло и часа после кончины Щепкина, как в комнату, где он лежал, нагрянула полиция. Всю жизнь она не оставляла своим вниманием неудобного ей вольнодумного актера. И на этот раз пришла, чтобы описать и опечатать его бумаги и вещи. В 8 часов утра 26 августа свинцовый гроб с телом М. С. Щепкина отправился из Ялты в последний путь в Москву, куда прибыл почти месяц спустя — 20 сентября.

М. СИНЮКОР